

Три дня спустя, неподалеку от дома Фэн.

По-прежнему было ясно и солнечно.

В главном зале слух ласкали музыкальные инструменты.

"Когда не страшишься любви, ни к чему беспокоиться о разорванной судьбе, вдали от жизни и смерти вместе с испытаниями и невзгодами. Разрушь барьеры любви, чтобы раскрыть истинную природу начала и конца..."

Танец выглядит будто небесный демон, песня звучит как раскалывающиеся камни, воспевая многообразие жизни.

Фэн Лун спокойно сидел в кресле, слушая срочный доклад склонившегося позади него подчиненного.

— Сгорел? — тихо спросил он. Тем временем его глаза были прикованы к сцене, а пальцы медленно отбивали ритм.

— Да, сгорел дотла.

В глазах Фэн Луна мелькнула улыбка.

— Он сжег дом Бай и резиденцию в Янчжоу. Неужели он пристрастился к поджогам? А что насчет Шуй Юэ-эр?

— Он застал стража Фэн врасплох, заблокировал акупунктурные точки и вышвырнул за дверь. Затем он забрал женщину, все поджег и ушел.

— Боевое мастерство Шуй Юэ-эр ничуть не хуже, и все же ее одолели?

Он лишь немного приподнял брови, а подчиненный весь покрылся холодным потом.

— Изначально страж Фэн была сильнее, но хозяин приказал, чтобы женщине не причинили вреда, поэтому ей пришлось быть чуточку милосерднее. К тому же никто не ожидал, что он достанет девять божественных драконов...

Фэн Лун хмыкнул, его густые брови нахмурились. По мановению руки пение и музыка на сцене прекратились, люди замерли, поклонились в унисон и проворно удалились.

Комната была совершенно пуста, в ней остались только два человека.

— Где он раздобыл девять божественных драконов?

— Это... — голова подчиненного опустилась еще ниже. — Подчиненный не знает.

Фэн Лун поднялся, медленно прошагал к передней части сцены, мгновение смотрел на нее, затем улыбнулся.

— Оказывается, этот человек может получить все, что угодно. — Повернувшись, он спросил: — Как сейчас Шуй Юэ-эр?

— Она ранена девятью божественными драконами и нет лекарства, чтобы исцелить ее. Это

несерьезно, но боль невыносима, и я боюсь, что ей придется страдать день или два. Похоже, не только страж Фэн, но и страж Шуй чувствует себя нехорошо.

Фэн Лун кивнул.

— Неудивительно, ведь они сестры одного сердца*. Я понимаю, он раздобыл девять божественных драконов, чтобы справиться с Шуй Юнь-эр, а в этот раз по ошибке использовал их, чтобы спасти свою мать. Хе-хе, что за маленькая Летучая Мышь.

*П/п: То есть очень-очень близки.

Он на минутку засмеялся, затем его лицо постепенно стало серьезным и он снова тихо вздохнул.

Подчиненный не знал, что на уме у его непредсказуемого хозяина, поэтому настороженно ждал приказа, склонив голову.

— Вы выяснили его местонахождение?

— Наши стоят повсюду. Но он мастер скрывать свои следы, так что боюсь, это займет некоторое время...

Фэн Лун покачал головой.

— Его найти не сложно. Его мать страдает от скрытой болезни, и рядом не будет Шуй Юэ-эр, чтобы подавлять ее с помощью лекарств. Скоро у нее будет приступ. Как только приступ начнется, ему придется искать эти лекарства.

Фэн Лун взялся за кисть, быстренько накидал несколько строчек, и вручил подчиненному.

— Передайте аптекам, чтобы они все это отслеживали. Если кто-то купил лекарство по этому рецепту, просто внимательно следите за ним. Помните, что у него впечатляющий цингун. Найдите надежного человека, не позволяйте ему снова исчезнуть.

— Есть.

Подчиненный взял рецепт и осторожно удалился.

Фэн Лун остался один в большом зале.

Он стоял со сложенными за спиной руками и осматривался по сторонам.

За окном он видел изумрудно-зеленые ивы и пруд. Бай Шаоцин любил это место и всегда стоял под ивами. Его одинокая стройная спина вызывала желание сгрести его в охапку и сжать достаточно сильно, чтобы сломать ивовую талию.

— Маленькая летучая мышка, твои крылья такие тонкие, почему ты всегда улетаешь далеко?

Он вздохнул, веер в его руке хлопнул по ладони. Песня, пропетая низким голосом, эхом прокатилась по залу.

"Опущен занавес и больше нет слов, кто-то знает тысячи прядей тоски. У времени года нет

определенного хозяина, и я втайне тороплю весну..."

Стук копыт лошадей.

Из тихой долины, наводненной распустившимися горными цветами, медленно выехала маленькая карета, со свисающей занавеской.

В разгар лета, мужчина, управляющий лошадьми, был одет в халат с длинными рукавами и пару грубых черных перчаток, и издалека казалось, что он плотно закутан. На голове у него была широкополая соломенная шляпа, закрывающая большую часть лица, так что была видна только небольшая часть подбородка.

Но даже эта небольшая белая часть подбородка уже позволяла разглядеть красивые очертания этого человека, скрытого большой соломенной шляпой.

Чем дальше, тем реже встречались люди. Всю дорогу мужчина осторожно вел карету, и наконец был вынужден остановиться у горы. Повернувшись, он сказал:

— Мама, дальше дороги нет, нам нужно сойти.

У него был очень приятный, мягкий и мелодичный голос.

— Хорошо, — сквозь занавеску пробился женский голос с нотками едва сдерживаемой усталости.

Бай Шаоцин спрыгнул с повозки и отдернул занавеску. Одной рукой он взял тяжелый узел и крепко завязал его вокруг груди. Потом он снял соломенную шляпу и черные перчатки.

В таком дремучем лесу не было необходимости скрываться.

— Мама, я понесу тебя.

Женщина, которой он помог выйти из кареты, вдруг замахала рукой.

— Подожди немного.

Ее расфокусированный взгляд метался из стороны в сторону, а в голосе звучало удивление.

— Шаоцин, где мы?

Привлекательные черты Бай Шаоцина от улыбки стали еще более красивыми.

Он подавил улыбку.

— Угадай, мама.

Женщина протянула руку, пошарила вокруг, и вдруг присела, ощупывая камни.

— Как странно, здесь пахнет так же, как в том месте, где я жила в детстве, — прошептала она.

Она была так взволнована, что в ее впалых глазах мельнул огонек.

Бай Шаоцин помог ей подняться.

— Мам, я не знаю, в этом ли месте ты жила в детстве. Но здесь полно диких цветов, а в глубине течет ручей с небольшим холмом рядом. На холме растет много мирта, в точности так же, как ты рассказывала мне в детстве.

— Дикая цветы? Ручей? Мирт? — Женщина взволнованно схватила Бай Шаоцина за руку. — Где растет мирт? Покажи скорее!

Хорошо знакомый аромат мирта проник в ее нос. Как будто она внезапно вернулась в прошлое.

В те времена, когда горные цветы распускались пышным цветом, она помнила расположение каждого куста, знала, где нужно встать, чтобы коснуться распутившихся диких цветов.

Когда ее родители были живы, они говорили не о том, что она красавица, а о том, что однажды в горах она встретит мужчину, который будет достоин ее любви.

В те дни, до того, как возникла любовь, она беззаботно лежала на маленькой уютной бамбуковой кровати, вдыхая аромат мирта.

После смерти родителей зеленые горы и синие воды не одурачили ее слепоту. Цветы по-прежнему хорошо пахли, а фрукты были доступны в любое время года.

Если бы она не встретила Бай Можаня, она бы осталась здесь до конца жизни.

— Это здесь, — растерянно произнесла женщина. — Шаоцин, это здесь. Сынок, как ты нашел это место? Даже я не знала как называется местность, в которой выросла.

— Мам, откуда название у эдакой глухомани? Я просто случайно наткнулся это место

Едва различимая фраза, скрывающая отчаяние и ненависть в мертвых глазах Бай Можаня. Он не хотел, чтобы мать узнала, что он вырвал название из уст отца.

Женщина тихонько вздохнула, перебирая миртовые листья.

Она села на колени и поманила рукой:

— Сынок, подойди.

Бай Шаоцин наклонился и сел рядом с ней.

С гор дул освежающий ветерок.

Под дуновением ветра женщина подняла руку и сняла с лица маску из человеческой кожи.

Исполосованное жуткое лицо.

Несмотря на то, что Бай Шаоцин уже предполагал, что окажется под маской, он все равно был поражен. От шока у него вдруг перехватило горло.

— Мам...

Он все еще помнил свою мать, которая была прекрасна, как небожитель.

— Не плачь, Шаоцин, — спокойно сказала женщина. — Когда ты был маленький, то внезапно увидел меня с другим лицом и громко закричал. С тех пор мы не говорили об этом, я думала ты все понял.

Она протянула руку, сорвала миртовый лист и спокойно спросила:

— Не скрывай от матери, ты ненавидишь отца?

— Ненавижу, — глубоким голосом произнес Бай Шаоцин.

— Тогда... Семьи Бай больше нет?

Бай Шаоцин обомлел. Откуда матери об этом известно? Неужели она что-то слышала от прохожих, когда выходила одна за покупками?

— Я из семьи Бай, — сквозь зубы произнес он. — Пока я жив, семья Бай тоже будет существовать.

Женщина молчала, обратив свое жутковатое лицо к Бай Шаоцину. Из-за ее белых зрачков он ощущал сильное давление.

— Тогда... — Похоже, она хотела что-то сказать, но остановилась. Похоже вопрос, который она хотела задать, был настолько важен, что рука, которая крепко ухватила за Бай Шаоцину, начала сильно дрожать.

Хрупкое сердце Шаоцину слышало звон струны, которая вот-вот оборвется. Его затуманенные глаза казались немного испуганными, когда он смотрел на лицо женщины, искаженное волнением.

— Мам, что ты хочешь спросить?

Наконец женщина медленно успокоилась. Она покачала головой и пробормотала:

— Я не буду спрашивать. Боюсь, если спрошу, то узнаю что-то страшное. Как и тогда, когда я пообещала покинуть это место, то столкнулась с кошмарами, которые никак не заканчивались.

Другая рука Бай Шаоцину спустилась с его пояса и коснулась желтой земли. В этот момент его пальцы погрузились в грязь, каменная крошка забила под ногти, выдавливая кровь, которая тут же впитывалась в желтую почву.

Вдруг он вскочил, а потом снова опустился на колени, бросился в объятия женщины и, запрокинув к ней голову, спросил:

— Мама, если я буду злым и плохим, ты оставишь меня?

— Как мой Шаоцин может быть злым и плохим? — со смехом спросила женщина.

— А что если я совершил величайший грех и обречен на гибель?

— Мой мальчик такой чистый и хороший, как Небеса могут тебя уничтожить? — Женщина ласково и с любовью погладила Бай Шаоцину по щеке. — Но мама не сможет остаться с тобой на всю жизнь.

Уловив в ее словах зловещий смысл, глаза Бай Шаоцина расширились.

— Мама?

— Мое здоровье ухудшается, я это знаю.

— Нет, мама останется со мной навсегда, — Бай Шаоцин крепко обхватил ее руками, словно хотел удержать единственное, на что он мог положиться в этой жизни. — Что я буду делать без тебя?

— Твои дедушка и бабушка часто говорили: у каждого своя судьба. И у тебя она тоже есть.

— Я в это не верю. Если дедушка с бабушкой правы, то почему ты так несчастна?

Женщина остолбенела. Бай Шаоцин поспешно произнес:

— Это моя вина, не печалься.

Губы женщины медленно приподнялись, и на них расплылась спокойная улыбка.

— Шаоцин, знаешь ли ты, что именно под этим миртом мама спасла твоего отца?

Жуткое лицо и впрямь светилось невероятной нежностью и счастьем.

— Мама, Бай Можань жестокий и злобный, он заслуживает тысячи смертей, десяти тысяч.

— Но каждый раз, когда я думаю о нем, то вспоминаю тот день, когда споткнулась о него около мирта. Я испугалась, но наклонилась и ощупала незнакомца. Одежда, в которую он был одет, наверное была красивой, мягкой и гладкой на ощупь. А затем я дотронулась до его лица... — начала вспоминать женщина, будто она перенеслась в тот момент прошлого.

— Затем я услышала его голос. Он висел на волосок от смерти, но все же позвал меня. Я никогда раньше не слышала такого приятного голоса, и когда он окликнул меня, то поняла, что должна спасти его, я не могла позволить ему здесь умереть. Я знала, что это моя судьба. Я не ненавидела его все эти годы, просто винила за то, что он плохо с тобой обращался. Мне хотелось уехать далеко-далеко и больше никогда не знать его. Таким образом у меня в памяти бы остались только хорошие воспоминания, чтобы день, когда останется только ненависть, никогда не наступил.

Бай Шаоцин смотрел на женщину. Его сердце заледенело, но даже после такого обращения со стороны Бай Можаня, память его матери все еще хранила счастливые воспоминания.

Он вдруг вспомнил о Фэн Луне. Что, если водопад Млечный Путь на вершине пика Нефритового Пальца будет единственным, что останется в его памяти?

Его сердце бешено заколотилось.

— Мам, скажи, что такое любовь?

Женщина задумалась.

Спустя какое-то время она поднялась, положила руку на ветку мирта и с горечью произнесла:

— Любовь — это нечто неизбежное.

— Неизбежное?

— Ночь прекрасна, но день неизбежен. — Женщина вздохнула. — Я была вынуждена влюбиться, невыносимо. И даже до крайности его ненавидя, помимо своей воли, я не могла... ничего.

Они долго сидели в оцепенении, затем женщина повернулась и улыбнулась.

— Шаоцин, давай останемся здесь! Проведи со мной остаток жизни. В зеленых горах и голубых водах никто не погибнет.

Бай Шаоцин кивнул.

— Просто слушай маму и всегда будешь со мной.

Он мягко улыбнулся, но глаза его заволочло влагой.

Старики были и будут всегда. Кто не уходит из жизни, оставляя после себя одинокую могилу?

Он проверил пульс и понял, что даже с сильными лекарствами его мать долго не протянет. Боль в его груди стала невыносимой, не находя выхода.

Он знал, что обречен потерять ее.

Прекрасный пейзаж будет похоронен, вместе с тем, что было самым ценным в его жизни.

Самая большая любовь в его жизни уже прошла, нельзя же ненавидеть плохую судьбу.

— Уже поздно, мам, иди под навес.

— Садись рядом. — Женщина прислушивалась, легкий ветерок ерошил ее волосы. — Послушай, Шаоцин, это ветер скользит сквозь цветы.

"Любовь" — это не то, что может износиться, она крепко зацепилась в его сердце.

— Мам, неподалеку от нас кролик споткнулся о пенек. Хаха, выражение "сторожить пень в ожидании зайца" оказалось на диво буквальным...

Кто будет допрашивать убывающий месяц и утренний бриз, пользуясь случаем?

— Что ты ищешь, мам?

— Расческу.

— Вот она. Позволь мне расчесать тебя.

— Нет, я хочу расчесать волосы моего сыночка.

— Мам?

Дрожащий свет свечи.

Расческа, зажатая в истощенной руке, медленно прошла по длинным гладким блестящим волосам.

— Шаоцин, наша судьба во власти Небес, — тихо сказала женщина. — Есть день, когда судьбы пересекаются, а есть день, когда они расходятся

Трудно держаться в тени, когда ее колыхает ветер, сетуя на предстоящий путь...

<http://bllate.org/book/15169/1340553>